

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ АНИСИМОВ

доктор исторических наук, профессор департамента истории

Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vbrevis@yandex.ru

ПЕТР ВЕЛИКИЙ О БОГЕ, БОЛЕЗНЯХ И МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДЕ

В контексте популярного в петровское время учения рационализма анализируются мировоззренческие представления Петра Великого о Боге, деле человеческой жизни, болезни и смерти. Цель статьи – показать, как формировалось отношение Петра к проблемам жизни и смерти, предназначения человека, веры в Бога, разум и могущество экспериментального знания. На этой основе автор исследует особенности образа жизни императора, склонного к неумеренному потреблению спиртного. Увлечение Петра лечением своих болезней с помощью минеральных вод напрямую связано с его глубокой верой во всесилье науки и экспериментального знания. Новизна статьи заключается в попытке реконструировать мировоззрение Петра Великого для понимания его менталитета. Актуальность состоит в новом подходе к пониманию мотивов конкретных действий царя. Делается вывод, что мировоззрение Петра формировалось под влиянием распространенных в европейской науке идей рационализма и повлиявших на него не лучших образцов менталитета европейского, в частности голландского, простонародья.

Ключевые слова: Петр Великий, минеральные целебные воды, Марциальные воды, рационализм, представления о Боге, жизни, смерти, болезнях, экспериментальные знания, пьянство

Для цитирования: Анисимов Е. В. Петр Великий о Боге, болезнях и минеральной воде // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485

Петр Великий был истинным сыном своего века: с одной стороны, христианином, причем глубоко верующим в Бога, а с другой – сторонником картезианства, опытного знания, эксперимента, который он увлеченно проделывал в равной степени над лежащим на анатомическом столе трупом и над подвластной ему Россией. Все это отражалось в своеобразии веры Петра. Он, как и многие просвещенные люди эпохи рационализма, значительных успехов техники, открытых эмпирического знания, стремился увязать веру в Бога и рациональные начала модного тогда мировосприятия. При этом, по мысли Петра, замысел Бога остается непостижим человеком и непознаваем человеческими науками. «Светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца», – так вполне правдоподобно передает его мысли А. Нартов¹. Такой подход определял и общее отношение царя к жизни, смерти и судьбе. Ход человеческой жизни, по мысли Петра, предопределен божественным предначертанием, и нам неизвестен его конец, но при этом человек свободен в определении конкретной стратегии жизни, он вправе строить собственную жизнь и менять окружающий мир по законам, открытым наукой, отраженным в

книгах ученых-экспериментаторов. При этом он обязан действовать на основаниях рационализма, pragmatизма, ответственности и веры.

Несомненно, Петр любил жизнь во всех ее проявлениях, был по своей природе оптимистом, даже мечтателем, точнее – государственным мечтателем, ставившим перед собой высокую цель преобразовать Россию, довести своих подданных до «всебобщего счастья» посредством открытого веком рационализма рычага – упомянутого выше опытного знания в сочетании с каждодневным трудом и строгой дисциплиной. Все эти начала отливались в систему разнообразных «регулярных» учреждений и были детально прописаны в регламентах и уставах. Столь рациональное отношение к жизни сочеталось у Петра с вполне традиционным отношением к смерти, предполагало признание неизбежного, фатального, неотменяемого человеком акта ухода из мира по воле Всевышнего. К мысли о неотменяемости смерти и смирении перед волей Творца Петр возвращался не раз и наиболее пространно высказался об этом в мае 1711 года в письме императинскому царю Арчилу II, горевавшему о смерти в шведском плена сына, царевича Александра. Выражая сочувствие отцу, Петр писал:

«Но что же можем вам помочи в сем невозвратном уроне? Точною, яко мужу разумну, представляем во отраду три вещи, то есть великолодущие, рассуждение и терпение, ибо сия обида не от человека, которому б заплатить или отстить можем, но от всемогущего Бога, которой сей непреходимый предел установил»².

Когда у него самого с Екатериной умирали дети (умерло минимум восемь человек), Петр успокаивал себя и жену словами:

«...что ж могу на то ответствовать, токмо со многострадальным Иовом: Господь даде, Господь и взять, яко же где ему такость и бысть буди имя Господне благословенно отныне и до века, прошу вас тако ж о сем разсуждение иметь»³.

Но была еще и прагматическая сторона восприятия Петром смерти. Она выражалась в его постоянном стремлении экспериментальным путем понять конкретные медицинские причины и обстоятельства смерти. Петр исходил из мысли, что смерть, конечно, определена волей Бога, но причины ее не мистические, а вполне физические, и их можно изучить. Это логично вытекало из концепции приоритета, непроходящей ценности опытного знания. Да и сам он не упускал возможности вскрыть тело покойного и детально рассмотреть его анатомию. Он делал вскрытие тел своей невестки кронпринцессы Шарлотты, а позже цариц Марфы Матвеевны и Прасковьи Федоровны, причем, как пишет В. Н. Татищев, при вскрытии тела царицы Марфы царю, помимо изучения причины смерти, было любопытно убедиться, что вдова царя Федора Алексеевича, умершего вскоре после свадьбы с Марфой в 1682 году, всю жизнь оставалась девственницей⁴.

По многим известным фактам из жизни Петра можно утверждать, что у него не было иллюзий относительно собственного конца. Он трезво и спокойно думал об этом, но с годами сознание неизбежности предела, определенного Господом, стало для Петра мощным стимулом для работы и творчества. Петр постоянно торопил окружающих, более всего ценя быстротекущее время («Фундамент всему что поспешайте, поспешайте: зело нужно», «...все готово и больше не могу писать только что время, время, время»⁵ – главный мотив множества его писем сподвижникам). Страстное желание успеть сделать как можно больше для России за кратковременное пребывание на Земле объясняет и ту поспешность, с которой Петр проводил реформы, и ту жестокость, с которой он обошелся с собственным сыном, ибо в столкновении с царевичем Алексеем он руководствовался мыслью о сохранении уже достигнутого тяжким трудом. «О тебе разсуждая, – писал он сыну в 1715 году, – ибо я есь человек

и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю?»⁶

Если отойти от рассмотрения общих представлений царя о человеческой судьбе и обратиться к повседневной жизни этого феноменального человека, занятого десятками важнейших государственных дел, то первое, что бросается в глаза, – это частые выпивки, порой безобразные, многодневные, а также постоянные болезни царя. Да, иностранцы, побывавшие в России в XVII веке, отмечали в своих записках повальное, особенно на праздники, пьянство в народной среде, но ничего подобного они никогда не писали, повествуя о жизни верхов, царского дворца. С Петром же в повседневность верхов вошло в обычай, стало нормой особое пристрастие к горячительному (особенно из числа крепких напитков – так называемого крепыша), причем пить без меры превратилось в род доблести для одних и обязательной повинности для других. Ни статус, ни состояние здоровья, ни возраст, ни пол не спасали от этой тяжкой повинности. Кажется, что ни один обычный обед или ужин, а то и завтрак Петра не обходился без водки (особенно царь любил анисовую, которую настаивали на семенах аниса, придававшего настойке белый, «молочный» цвет). Были и другие почитаемые царем крепкие напитки: неочищенная и издали напоминающая сивуху «грубая водка» (ею по указу Петра спаивали гулявших в Летнем саду гостей), «адски крепкая перцовка», токайское. Пиво же попросту заменяло воду, которая нередко была нечиста, и считалось, что лучше пить пиво, а не воду. Летопись пьяных заголовов царя кажется бесконечной. Кроме обычного застолья с выпивкой «для опетита», бесконечной вереницей шли праздники, «обмывания» (порой многодневные) спущенных на воду новых кораблей. Не пить при спуске корабля считалось грубым нарушением военно-морского ритуала. И тут уж спиртное лилось рекой, без меры, как и в других случаях. Юст Юль, датский дипломат, жестоко страдавший от петровских пьянок, писал: «...произошла здоровая выпивка; всякий раз, как посещаешь царя, выпивки эти представляют неизбежное бедствие» [6: 167]. По походным журналам Петра видно, как он часто празднует крещение детей своих подданных, а также посещает свадьбы, поминки, отмечает выпивкой дни рождения близких и даже малознакомых ему людей. Да и само существование знаменитого «Всепьянейшего собора» как многолетней постоянно действующей попойки (причем с активнейшим участием самодержца) говорит само

за себя. Откуда пошла эта мода, сделавшая Петра фактически пьяницей? Заметим, что по тем временам слово «пьяница» не имело негативной коннотации. Так, в ответе царю из Киева в мае 1704 года А. Д. Меншиков сообщал, что они с гостями шумно, с пальбой, отпраздновали Пасху: «И по той стрельбе, ведая, что и вы не непьяницы, довольно про ваше здравие подпили и ныне подпиваем»⁷. Думаю, что главную роль в приучении царя к пьянству сыграло его голландское окружение, пребывание Петра в Голландии, его особенное пристрастие ко всему голландскому: языку, вещам, обычаям, традициям. Современные исследования культуры Голландии XVII века показывают, что в повседневности голландцев царил подлинный культ пьянства, о чем можно судить по многочисленным бытовым картинам малых голландцев. Пьяные загулы, шутовские застольные «битвы» с Бахусом или отечественным Ивашкой Хмельницким («А с Іваном бились весь день у Федара Матьвеевича [Апраксина], были зело шумны. Федор, ученик, изволил умереть маия в 7 день»⁸), столь характерные для Петра и его собутыльников, идут во многом от традиций Голландии, от безобразных загулов в тавернах и публичных домах Амстердама. Их устраивали моряки, вернувшиеся домой из смертельно опасных многомесячных морских походов в Батавию или на китовый промысел к берегам Гренландии, да и просто жители страны, в обыденной жизни жестко ограниченные традициями, суровой кальвинистской верой, тяжелым трудом. Иностранные поражались чудовищным размерам кубков и фужеров голландцев, их склонности к неумеренному пьянству и дракам. Как писал английский посланник в Голландии Уильям Темпл, «в своей полной ограничений жизни этот народ имеет только одну радость и позволяет себе только одну роскошь – алкоголь» [4: 206–207]. Разве это сказано не о России? Разве не из Голландии к Петру пришел чудовищного размера Кубок Большого орла, которым Петр насыщенно потчевал гостей «адски крепкой первцовкой»? Эта связь загулов царя с безобразным голландским времяпрепровождением отражается даже в источниках. «Когда, – записал в свой дневник об одной из пьянок царя голштинский придворный Г. Ф. Берхгольц в 1723 году, – вино возымело свое действие, начались и голландские разгульные песни» [3: 114–115]. При этом нужно заметить, что Голландия не входила в зону разведения винограда и производства виноградных вин там не было. Голландцы «заряжалась» крепкими и особо крепкими напитками, прежде всего женевером – зерновым самогоном с добавлением

плодов можжевельника – напитком, валившим с ног самого крепкого моряка.

Теперь о связи пьянства и болезней. Во время застолья было принято поднимать обязательную чарку (и не одну) при тосте «За здравье!» или «Да здравствует!» в честь присутствующих и отсутствующих, приезжающих, отъезжающих и т. д. Более того, «непитие за здравие» или «питие не до дна», особенно если шла речь о царственных особых, воспринимались как «нежелание здравия» такой особе, интерпретировались как государственное преступление, и на таких отступников писали доносы в Тайную канцелярию [2: 76–79]. Разнудданное «шумство», со-крушающее «поражение от Ивашки», когда государственные деятели замертво валялись под столами, считались доблестью в окружении Петра. Естественно, что все эти излишества подрывали здоровье Петра, притом что жизнь царя вообще проходила в каждодневных заботах и колоссальном нервном напряжении. Известно, что в Полтавском сражении он не получил ни одной раны, но после сражения тяжело заболел от нервного напряжения. 13 августа 1709 года он писал И. А. Мусину-Пушкину: «Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен, но ныне, слава Богу, оздравел и позафтрее поеду в Польшу»⁹. И такое случалось нередко. В сущности, это была жизнь на износ.

Не удивительно, что Петр, ведя столь неуеменный образ жизни, постоянно болел. Более того, отчетливо прослеживается тенденция: после очередной попойки, особенно продолжительной, состояние здоровья царя резко ухудшалось, он заболевал, начинал лечиться, принимать лекарства. Негативное воздействие алкоголя на здоровье Петр как будто осознавал (в одном из писем 1721 года он писал Екатерине: «...фрукты получил, а что сумневаёсся обо мне: слава Богу, здоров и не имел болезни, кроме обыкновенной с похмелья: истинно, верь тому»)¹⁰. Осознавалась им и его окружением и связь между пьянством и хроническими болезнями. Характерно письмо Г. И. Головкина в ответ на письмо Петра, в котором царь спрашивал о здоровье канцлера:

«В писме, государь, ваша милость напомянул о болезни моей подагры, бутто начало свое оная восприяла от излишества Венусовой утехи, о чем я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства; у меня в ногах, у господина Мусина на лице, но тое болезнь, кроме отца нашего и пастыря (всепьянейшего патриарха Н. М. Зотова. – Е. А.), лечить некому»¹¹.

В окружении Петра была популярна мысль о естественности пьянства и о лечении его последствий тем же самым спиртным. Вся эта не-

затейливая философия несколько раз (не менее пяти) приводила царя почти к могиле: он впадал в тяжелейшее состояние, сановники и семья готовились к, казалось бы, неизбежному концу. Когда обострение болезни происходило в Петербурге, то его сподвижники ночевали в Зимнем дворце, ожидая смерти господина. Да и сам он отлично осознавал в такие моменты близость конца. В 1706 году из Польши, где он тяжело заболел, царь писал А. Д. Меншикову:

«Я tolko футоф за пять был до смерти: в самой Ильин день уже и людей не знал и не знаю (то есть был без сознания. – E. A.), как Бог паки велел жить: такая была жестокая фибра, от которой теперва еще вполы в себя не могу притить <...>»¹².

Любопытно, что Петр определял близость смерти по-морскому, в футах.

В письмах царь нередко описывает свое состояние во время болезни и после нее. Однако такие описания болезней мало о чем говорят, и определить, чем же он так часто болел, мы не сможем. Известно, что он особенно тяжело переносил верховую езду и езду в колесных экипажах. Сотрясения во время движения по тогдашним неровным дорогам были особенно мучительны для царя. Поэтому он предпочитал плавание на судах по рекам, порой весьма извилистым, что удлиняло поездки, но позволяло избежать болезненных ощущений. По суще Петр предпочитал экипажи на ремнях (так называемая качалка) или ехал в паланкине, запряженном лошадьми. Указанные особенности передвижения – явное свидетельство нездоровья Петра. В 1716 году, будучи в Гданьске, он получил консультативные заключения трех медицинских светил того времени. Были записаны жалобы Петра, которые сводились

«в основном к многократным поносам, периодической лихорадке, тяжести в эпигастрии, болях в области диафрагмы и подреберьях, пониженному аппетиту, тошноте, кровоточивости десен, плохому настроению» [7: 58].

Словом, у него был целый букет болезней. Современные врачи считают, что на протяжении ряда лет царь страдал от хронического гепатита, на который накладывались другие болезни – почек, мочеполовых органов. При этом нужно учитывать еще два обстоятельства. Первое – язык описаний болезней XVIII века остается для нас непрочитанным шифром, ведь в основе его лежит иная, чем ныне, концепция функционирования организма и происхождения болезней, что затрудняет перевод описаний и диагнозы врачей той эпохи на язык современной медицины. Врачи

в Данциге пришли к выводу, что царь страдал «ипохондией», «цингой», «изнурением тела», «меланхолией» и «застоем крови». Последнее в XVIII веке обычно диагностировали у всех больных. Вот, например, как описывается болезнь дочери Петра императрицы Елизаветы Петровны, умершей в 1761 году:

«Несомненно, что по мере удаления от молодости жидкости в организме становятся более густыми и медленными в своей циркуляции, особенно потому, что они имеют цинготный характер» (цит. по [1]).

Рекомендации докторов – покой, клизмы, кровопускание. «Отворение крови», или венесекция, было в те времена самым популярным методом лечения от всех болезней, и Петр многократно подвергался этой процедуре, причем не всегда удачно: как-то раз лекарь повредил нерв на руке. В основе этого способа лечения лежало учение прусского врача Эрнста Штала – анимизм, согласно которому душа является причиной всех функций тела и их изменений. Душа в здоровом теле, утверждал знаменитый доктор, находится «в нормальном тонусе, то есть во взвешенном состоянии, которое при болезни нарушается». Вернуть душу в нормальный тонус можно было, по мнению врачей, с помощью кровопусканий, которые заменяли естественное кровотечение, ставшее из-за болезни якобы затрудненным, не позволяющим душе находиться во взвешенном состоянии. Как все это понять применительно к человеческому организму, неясно [1: 593]. Второе – мы знаем, что даже современная медицина, обладающая разветвленным аппаратом и методиками исследования болезней, порой признает себя бессильной в понимании сути поразившего человека недуга. А тут идет речь о событиях трехсотлетней давности и о весьма примитивной медицине! Сохранилось письмо из Петербурга в русское посольство в Берлине, посланное в январе 1725 года, за несколько дней до смерти Петра. В нем содержалась просьба к лейб-медику прусского короля Эрнсту Шталю срочно приехать в Петербург к больному императору. Посол должен был Штала

«уведомить, чтобы он взял с собой некоторые из своих собственных медикаментов, в особенности же те, которые могут быть полезны в следующих случаях, а именно: при слабости в почках и отсюда происходящего излияния семени или какой-либо другой материи; от задержки этой течи и возникающего от этого воспаления; от прекращения излияния мочи, что влечет за собой другие несчастные последствия».

Привлекает внимание следующая фраза:

«...это уведомление должно быть сделано господину лейб-медику не так, как если бы болезнь состояла в этом именно, а так, что могла быть другого рода, для того, чтобы лейб-медик руководствовался и своими собственными познаниями и благоразумием»¹³.

Иначе говоря, врачи, находившиеся при Петре, описывая симптомы, не были уверены в точности своего диагноза и заведомо предоставляли прусскому коллеге свободу действий. Шталь приехал в Петербург уже после смерти Петра и не сумел применить свои знания.

От своих болезней Петр постоянно принимал лекарства. Делал он это охотно, во всем доверяя докторам, чью профессию очень высоко ценил. Одни лекарства царь называет в письмах «тяжелыми»¹⁴, после которых он испытывает резкий упадок сил, не может от слабости даже выйти из комнаты, другие были «легкими», не приводящими к таким последствиям. Но ничего более определенного об этих снадобьях мы сказать не можем, так как описание состава лекарств полностью отсутствует. Эти лекарства принимались курсами, рассчитанными на несколько дней и даже неделю, с запретом выходить на улицу и с ограничениями в выпивке.

Минеральная вода однозначно воспринималась царем как лекарство особого свойства. Почему она занимает такое большое место в жизни Петра? Следует обратить внимание на то, что это именно минеральная вода, не «святая», не заколдованная знахарями жидкость. Как и лекарства, которые в своих ретортах и колбах мешали ему аптекари, минеральная вода и лечение ею были для Петра символом превосходства науки, знаком победы экспериментального знания над суеверием. Известно, что Петр был человеком нового века, с удовольствием разоблачал «плачущие» иконы, лжепророков, не верил в чудеса, не ездил по святым для других источникам, не окунался в них, не пил воду из них, а ехал на водный курорт или близлежащий минеральный источник и следовал рекомендациям врачей, проходя так называемый курс, то есть курс лечения водой. Он твердо верил, что состав употребляемой им минеральной воды содержит те химические вещества, которые положительно влияют на его здоровье. Впервые он стал пить минеральную воду в 1696 году из источника на одном из тульских заводов, затем лечился на водных курортах в Западной Европе, пил воду под Петербургом, в Кипени, Полюстрово, в Тарутине под Москвой, да и в других местах, пока, наконец, не вышел на олонецкие марциальные воды и очень ими увлекся. И было за что: как правило, после прохождения курса лечения ему становилось зна-

чительно лучше, появлялся аппетит, он вновь активно включался в работу, прерванную болезнью. Однако через какое-то время, вследствие напряженной, нервной жизни и частых заголов, вновь наступало ухудшение, и он снова устремлялся к спасительному для него минеральному источнику в Карелии. Впрочем, касаясь восторженных петровских оценок эффекта марциальных источников, не следует абсолютизировать их достоинства. Если проанализировать состав воды многих посещаемых Петром минеральных источников, то можно легко заметить, что по химическому составу воды они отличались друг от друга, и порой очень сильно. Но, как видно из переписки царя, после курсов, пройденных им в Пирмонте, Спа, Карлсбаде, на Марциальных и иных водах, он чувствовал улучшение. Представляется, что дело вообще не в особой целебности той или иной минеральной воды, которую употреблял царь, а в его субъективном отношении к этой форме лечения. Во-первых, известно, что наука иногда бывает не только источником знаний, но и источником суеверий. Преувеличенная вера в могущество научного знания, в эффективность научных методов лечения и предложенных методик служила Петру, как и многим людям до сих пор, источником предубеждений, не менее сильных, чем вера в магию и святость. Петр был истинно верующим во всесилие науки. Недаром он, описывая достоинства марциальных вод, употребляя слова «чудесно», «исцеление», постоянно подчеркивал «силу», то есть универсальную эффективность действия этой воды на организм, что само по себе кажется весьма сомнительным. Известно, что сомнения насчет исключительных достоинств марциальных вод высказывались в прошлом, да и теперь. Однако царь был убежден, что вода эта излечивает людей от всех болезней, и поэтому настоятельно рекомендовал всем своим сподвижникам и родственникам, заболевшим разными хворями, непременно ехать на Марциальные воды. В 1719 году он с восторгом писал:

«Воды здешния не сравнительно лутче Пирмонских (Пирмонт. – Е. А.) и Шпаданских (Спа. – Е. А.) силою лечения и истинно не поверил бы, когда б сам не видал и пользуют чудесно всех нас»¹⁵.

23 февраля 1719 года он писал А. Д. Меншикову, узнав о его болезни:

«Я с сожалением видел цыдулку у Макарова о вашей болезни, что ко крепкому кашлю припала лихорадка, дай вам Боже от сего свободу <...> ежели я зарань ведал о сих водах, конечно, б советовал вам сюда ехать, и подлинно б ползу вы получили, ибо чудная дело явилось в сей воде – музыкант невески мой (царицы Прасковы Федоровны. – Е. А.) болен был грудью и кашель с кровью

был не по один год, и когда он сюды поехал, докторы говорили ему, чтоб не дерзал пить воды, понеже противно сей болезни, как то везде запрещают. Оной здесь, не сказать доктурам, тайно оною пил, отчево в другой день крофь итить перестала и груди от часу стали лехче, тогда он дохтурам о том объявили, чмому немерно диввались, позволили ему полной кур держать, которой выдержав, оной весма исцелел и толст стал. Сие неслыханное дело всех нас удивило и разсуждают дохторы, что оттого не повредило, понеже в сей воде соли горазда мало и та не валатиль, как у прочих, но зело много железа, что никогда повредить не может»¹⁶.

Петр был убежден, что выработанная медицинской системой должна главенствовать в процессе исцеления водой с тем, чтобы не нанести пациенту вреда, да и не дискредитировать неумелым обращением с водой саму идею водолечения. Чтобы избежать этого, в марте 1719 году Петр сообщал В. И. Геннину, что им

«повелено дохтарам написать правила, как оныя воды употреблять, дабы неведением вместо пользы, паче траты здоровью своему, хто не принес и тем бы сей, от Бога дарованной дар, хулы от неразсуждения простых людей не воспринял»¹⁷.

Во-вторых, касательно эффекта лечения водой отметим, что недаром в рекламных брошюрах всех курортов обязательно сообщается об «общем оздоровлении» как одном из главных результатов лечения. Нужно иметь в виду, что Петр, оказавшись в карельской глухи, в тесном кругу приятных ему людей, хорошо проводил время, часто гулял, точил фигуры на токарном

станке, играл в трик-трак или бирюльки с женой и с приставленным к нему доктором, работал над чертежом нового корабля или моделью сооружения («А во время пития вод и отдыхания изволил трудиться в токарне за моделью Кронштацкою и точил паникадило»¹⁸), словом, отдыхал. К тому же врачи при прохождении курса ограничивали употребление пациентом горячительных напитков – на одних курортах более строго, на других – отчасти (так было на Марциальных водах), но главное – эти недели жизни царя проходили в относительном покое, не сопровождались привычными в обычной обстановке нервными срывами, частыми попойками, тяжелыми переездами. На улучшение его самочувствия (если его действительно мучил хронический гепатит, как предполагают современные специалисты) могла влиять и принятая на водных курортах метода лечения минеральной водой. Она предполагала прогон через организм пациента больших масс минеральной воды. Это промывало организм, избавляя его от вредных солей и шлаков, способствовало общему улучшению состояния организма, возбуждало аппетит. В 1724 году, попив воды в Тарутино, он писал, что «воды <...> действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше аланецких, толко опетит не такой, аднакож есть»¹⁹. И в этом смысле уже не так важно, какую воду пил Петр, любая минеральная вода становилась для него полезной, продлевала ему жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом / Подгот. Л. Н. Майков. СПб., 1891. С. 90.

² Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПБП). М., 1962. Т. 11. Вып. 1. № 4460. С. 240–241.

³ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИ). Ф. 270. Д. 84. Л. 67.

⁴ Татищев В. Н. История российская. М., 1900. Т. 7. С. 178.

⁵ ПБП. СПб., 1900. Т. 4. № 1086. С. 77; ПБП. СПб., 1889. Т. 2. № 506. С. 140.

⁶ Устрилов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 6. С. 346–348.

⁷ ПБП. Т. 4. № 1206. С. 226, 837–838.

⁸ ПБП. Т. 2. С. 537.

⁹ ПБП. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3381. С. 344.

¹⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Ч. 1. С. 131–132.

¹¹ ПБП. Т. 4. С. 859–560.

¹² ПБП. СПб., 1912. Т. 6. № 1886. С. 35–36.

¹³ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.

¹⁴ ПБП. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. № 2392. С. 175–176.

¹⁵ Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1830. Ч. 3. С. 174–175.

¹⁶ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 127.

¹⁷ Там же. Л. 150.

¹⁸ Походный журнал Петра Великого. 1724 год. СПб., 1855. С. 4.

¹⁹ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 149.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Афродита у власти: царствование Елизаветы Петровны. М.: АСТ, 2010. 606 с.

2. А нисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 1999. 720 с.
3. Б ерх г ольц Ф. В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. Т. 2. 520 с.
4. З юмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М.: Молодая гвардия, 2001. 400 с.
5. Т атищев В. Н. История российская / Вступ. ст. А. И. Андреева и др. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 7. 483 с.
6. Ю ль Ю. Записки датского посланника в России / Пер. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.
7. Я ковлев Г. М., А никин И. Л., Т рохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60.

Поступила в редакцию 02.03.2020

Evgeny V. Anisimov, Doctor of History, Higher School of Economics National Research University (Saint Petersburg Campus)
(St. Petersburg, Russian Federation)
vbrevis@yandex.ru

PETER THE GREAT ON GOD, DISEASE AND MINERAL WATER

The article analyzes Peter the Great's ideas about God, human destiny, disease and death in the context of the doctrine of rationalism so popular during Peter the Great's reign. The aim of the article is to show how his attitudes towards life and death issues, the fate of humans, faith in God, human mind and the power of experiential knowledge were shaped. The author analyzes the features of the Emperor's lifestyle, marked by excessive consumption of alcohol. Peter's passion for treating his diseases with mineral waters is directly related to his deep belief in the omnipotence of science and experiential knowledge. The novelty of the research lies in the effort to reconstruct Peter the Great's mindset in order to understand his mentality. The use of a new approach to comprehending the motives behind the Emperor's particular actions ensures the research relevance. The author makes a conclusion that Peter the Great's worldviews were influenced by the ideas of rationalism, widely accepted by European scientists at the time, as well as by the mentality of European (in particular, Dutch) common people, who could hardly give him the best examples to follow.

Keywords: Peter the Great, healing mineral waters, Marcial Waters, rationalism, perceptions of God, life, death and diseases, experiential knowledge, inebriety

Cite this article as: Anisimov E. V. Peter the Great on God, disease and mineral water. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485

REFERENCES

1. А нисимов Е. В. Aphrodite in power: the reign of Elizaveta Petrovna. Moscow, 2010. 606 p. (In Russ.)
2. А нисимов Е. В. The rack and the whip. Political intelligence and Russian society in XVIII century. Moscow, 1999. 720 p. (In Russ.)
3. Bergholtz F. V. Kammerjunker's diary. *The youth of the Empire*. Moscow, 2000. Vol. 2. 520 p. (In Russ.)
4. Zumthor P. Daily life in Rembrandt's Holland. Moscow, 2001. 400 p. (In Russ.)
5. Tatishchev V. N. Russian History. (A. I. Andreev, Foreword). Vol. 7. Moscow, Leningrad, 1968. 483 p. (In Russ.)
6. Juel J. Notes of the Danish Ambassador to Russia. (Yu. N. Shcherbachov, Transl.). *Laurels of Poltava*. Moscow, 2001. P. 9–396. (In Russ.)
7. Yakovlev G. M., Anikin I. L., Trokhachev S. Yu. Materials on the history of Peter the Great's illness. *Military Medical Journal*. 1990. No 12. P. 57–60. (In Russ.)

Received: 2 March, 2020